

Когда они добрались до храма, было уже темно. Но это не имело значения. Ворота были открыты, фонари горели. Как неустанно указывали жрецы, ворота в царство Морра всегда открыты, и человеку не дано знать, когда он пройдет через них.

Феликс попросил позвать того жреца, с которым они разговаривали ранее. Ему повезло. Мужчина ещё был на службе. Подношение из нескольких серебряных монет принесло информацию, что тот всегда готов поболтать. Феликсу и Истребителю указали на маленькую, скромную прихожую. Стены были уставлены книгами. Это напомнило ему бухгалтерские книги, которыми были уставлены стены отцовской конторы. Некоторым образом, это они и были. В них содержались имена и описания усопших. Феликс не сомневался, что они содержат и записи о пожертвованиях на похоронные услуги и молитвы, предлагаемые храмом. Он ранее имел дело со жрецами Морра.

— Итак, вы ассистенты доктора Дрекслера? — спросил жрец.

— Да. Некоторым образом.

— Некоторым образом?

— Мы помогаем в его исследованиях, касающихся чумы. Мы пытаемся найти способ остановить её.

Жрец медленно и печально улыбнулся.

— Тогда не знаю, следует ли мне вам помочь.

— Почему?

— Она способствует нашему делу.

Заметив шокированный взгляд Феликса, жрец сдержанно и тактично покашлял.

— Всего лишь неудачная шутка, — сказал он через некоторое время.

— Вы выглядите усталым, — сказал Феликс, чтобы завязать разговор.

Жрец издал громкий отрывистый кашель.

— И больным.

— Честно говоря, чувствую я себя нехорошо, а день был долгим. Брат, который должен был меня сменить, сам приболел и уединился в своей келье. Ему нехорошо с тех пор, как он вчера провёл погребение.

Феликс и Готрек обменялись взглядами. Феликс тактично кивнул. Готрек недовольно заворчал.

— Ваш, эээ..., коллега не очень-то похож на медика, господин Ягер, — произнёс жрец.

— Он помогает в выполнении работы, где требуется грубая сила.

— Понятно. Итак, чем могу помочь?

— Мне нужно побольше разузнать о тех людях, которых сегодня утром осматривал доктор Дрекслер.

— Не вижу препятствий.

Он постучал по кожаному переплёту стоявшей перед ним книги.

— Все имеющиеся детали должны быть в текущем журнале. Что именно вы хотите знать?

— Посещали ли все эти усопшие совсем недавно какие-либо похоронные службы?

— Фрау Кох и её дочь — да. Я сам проводил церемонию погребения господина Коха в Садах на прошлой неделе.

— А другой джентльмен?

— Нет, я так не думаю. Он не из тех людей, кому мы позволили бы присутствовать на какой-либо из наших служб. Разумеется, за исключением его собственных похорон.

— Что вы имеете в виду? Я полагал, что любой может входить в Сады Морра.

— Не совсем так. Господин Грюнвальд относился к тому презренному типу преступников, которые промышляют ограблением семейных склепов и похищают трупы на продажу исследователям и некромантам. Он был отлучён от церкви. Под страхом высшего телесного наказания ему было запрещено приближаться к воротам Садов.

— Вы имеете в виду — под страхом смерти?

— Совершенно верно.

— А мужчина, носящий чёрную розу?

— Я проверю его записи. Я подозреваю, что, принимая во внимание вид его украшения, мы обнаружим, что он также недавно принимал участие в погребальном обряде. Вы не местный, господин Ягер? Мне это заметно по вашему акценту.

— Вы правы. Я уроженец Альтдорфа.

— Тогда, возможно, вы не знаете местный обычай — прицеплять одну из чёрных роз из Сада Бога Смерти, принимая участие в проводимой там церемонии.

— Я полагал, что люди приобретают их у цветочников.

— Нет. Розы произрастают только в Садах и ими запрещено торговать с целью получения прибыли.

На некоторое время установилась тишина, пока жрец изучал записи.

— Да, да. Его сестра скончалась на прошлой неделе. Погребена в Садах Морра. Могу сделать для вас ещё что-нибудь? — довольно осведомился он.

— Нет. Я полагаю, вы достаточно нам сообщили.

— Не могли бы вы рассказать мне, зачем всё это?

— Не сейчас. Я уверен, что доктор Дрекслер известит Вас, когда полностью сформулирует свою теорию.

— Попросите его об этом, господин Ягер.

Когда они уходили, жрец в приступе кашля согнулся почти пополам.

— Расскажи мне, зачем всё это, человеческий отпрыск, — сказал Готрек, когда они вышли на улицу.

Феликс поглядел по сторонам, чтобы удостовериться, что поблизости нет никого, кто мог бы их подслушать.

— Все люди, которые, как мы знаем, умерли от новой формы чумы, недавно посещали Сады Морра. И грабитель склепов скорее всего тоже.

— И что?

— Это единственная связь, которую я смог увидеть, а Дрекслер советовал нам поискать связи.

— Это как-то неправдоподобно, человеческий отпрыск.

— У тебя есть идеи получше? — спросил Феликс с долей разочарования в голосе.

Поразмыслив с минуту, Истребитель покачал головой.

— Ты полагаешь, что мы отыщем наших маленьких шныряющих друзей, которые распространяют чуму, на городском кладбище?

— Возможно.

— Есть только один способ убедиться в этом.

— Я знаю.

— И когда?

— Сегодня ночью. После работы. Там будет тихо, и мы сможем осмотреться.

Феликс вздрогнул. Он мог представить себе множество мест, где бы он мог находиться вместо того, чтобы после полуночи обшаривать главное городское кладбище на предмет присутствия толпы скавенов, но что ещё ему оставалось делать? Если они сообщат свою историю властям, то им, вероятнее всего, не поверят. Возможно, скавены почуют их присутствие и свернут свою деятельность. По крайней мере, он ощущал уверенность в том, что там не может быть чересчур много крысолов. Небольшая армия, расположившаяся лагерем на кладбище, была бы обнаружена. Нужно надеяться, что их как раз достаточно, чтобы разобраться с ними топором Истребителя. Феликс весьма рассчитывал на это.

* * *

Врата Садов Морра были закрыты. На стальных прутьях, закрывающих арочный проход, висел замок на тяжёлой цепи. Небольшой служебный вход охранялся ночным стражником, который сидел, согревая руки над жаровней. Высокую стену, окружавшую городское кладбище, покрывали колья. Феликс был удивлён. Кладбище некоторым образом походило на крепость, но он не был уверен, для чего именно предназначались стены — удерживать грабителей могил снаружи или мертвецов внутри. Ему подумалось, что в истории были времена, когда мертвецам не лежалось спокойно в их могилах.

«Это воздействие основного примитивного страха», — подумал он. Что-то должно отделять мёртвых от живых. В этом смысле наличие физического препятствия успокаивает. Разумеется, за исключением случая, когда нужно его перелезть, как Истребителю и ему этой ночью.

«И что я здесь делаю?» — недоумевал Феликс. Сейчас, когда ночная работа выполнена, он должен быть дома, в таверне, на своей койке вместе с Элиссой. А не прятаться в тених, готовясь к незаконному проникновению на городское кладбище — преступлению, наказанием за совершение которого было несколько лет тюремного заключения и отлучение от церкви Храмом Морра.

Конечно же, есть способ полегче. Несомненно, кто-нибудь ещё сможет разобраться с этой проблемой. Но он понимал, что это неправильно. Кому ещё есть дело до отслеживания скавенов, кроме него и Готрека? Они — единственные, кто достаточно безумен, чтобы втянуть себя в эти дела.

Похоже, представители власти желают держать глаза закрытыми на то зло, которое происходит рядом с ними. Наилучшим возможным объяснением этому Феликс мог полагать, что они не осведомлены о происходящем или напуганы. Наихудшим возможным объяснением было бы то, что они находятся в сговоре с силами Тьмы.

Как много ещё фрицев фон гальштадтов занимает ответственные посты по всей Империи? Скорее всего, этого он никогда не узнает. Всё, что он реально может сделать — это действовать самостоятельно. Произвести те действия, которые, похоже, предопределены ему и Готреку, и надеяться, что всё сложится к лучшему.

Что он может сделать ещё? Если он покинет город, то чума, вероятно, будет распространяться, и от неё погибнут и Хайнц, и Отто, и Элисса, и другие из тех, кого он знал и о ком заботился. Возможно, погибнут тысячи, если ему и Истребителю не удастся решить эту загадку.

И, если уж быть честным с самим собой, он признавал, что чувство ответственности возбуждает его столько же, как и пугает. Это, некоторым образом, всё равно что оказаться героем какой-нибудь сказки из прочитанных им в детстве. Он замешан в интриге, где опасность и ставки высоки.

К несчастью, в отличие от детских сказок, ставки ещё и весьма реальны. Легко может произойти, что он и Истребитель не справятся, и тогда их ждёт гибель. Именно эта мысль, а не холодный ночной воздух, заставляла его дрожать.

Они шли вдоль стен кладбища, пока не нашли подходящее тёмное место. Феликс удостоверился, что его фонарь надёжно закреплён в скобе на перевязи меча, затем подпрыгнул и ухватил один из металлических зубцов, воспользовавшись которым подтянулся на верх стены. Он убедился, что зубцы были всего лишь украшением, а не служили практическим целям.

Луна вышла из-за облака, и он осмотрел кладбище сверху. В серебристом свете зрелище было жутким. Поднимался туман. Из него вздымались надгробия, подобно островам, поднимающимся из некоего мрачного моря. Деревья склонились подобно огромным великанам-людоедам, подняв ветвистые руки в молитве Тёмным Богам. Где-то вдалеке фонарь ночного стражника замерцал и затем пропал, или потому, что его владелец вернулся в сторожку, или по какой другой, более мрачной причине, о чём Феликс надеялся никогда не узнать. Было тихо. Он не был уверен в том, что именно покрыло каплями его подбородок — пот или туман.

Феликс подумал, что эта экскурсия ничем не поможет ему избавиться от простуды, и от этого несоответствия ему захотелось смеяться. Он вздрогнул, когда рядом с ним скользнуло по камням лезвие огромного топора Готрека, и Истребитель воспользовался им, чтобы залезть на стену. «Когда хотел, гном мог быть быстрым и поразительно проворным — если он относительно трезв», — подумал Феликс.

— Пойдём, разберёмся с этим, — проворчал он, и они спрыгнули вниз, на безмолвный кладбищенский двор.

Вокруг поднимались надгробия. Некоторые были опрокинуты. Другие заросли сорняками и кустами чёрных роз. Тут и там в лунном свете были еле видны выгравированные надписи. Могилы располагались длинными рядами, словно образуя улицы. Местами их затеняли старые сучковатые деревья. Отовсюду наползал призрачный туман, временами становившийся столь плотным, что закрывал видимость. Воздух был наполнен ароматом чёрных роз. Возможно, в дневное время Сады и были симпатичным местом, но ночью все мысли Феликса слишком быстро обращались к привидениям.

Легко было себе вообразить бесчисленные тела, разлагающиеся в земле; червей, копошащихся в гниющей плоти, и пустые глазницы трупов. Ещё немного воображения, и можно представить эти трупы, появляющимися из-под земли, костлявые руки поднимающиеся из грунта, подобно тому, как руки утопающих поднимаются над поверхностью моря.

Феликс старался отогнать подобные мысли, но это было трудно. Ему доводилось видеть, как происходят необъяснимые вещи; приходилось встречать живых мертвецов прежде, в холмах на землях князей Порубежья, в том проклятом путешествии через пустоши с семейством изгнанника фон Диела. Он знал, что древняя чёрная магия была способна пробудить мертвецов к нечестивому подобию жизни и наполнить их ужасным чувством голода к плоти и крови живых.

Феликс пробовал убедить себя, что это святая земля, посвящённая Морру, и что Бог Смерти защитит свою паству от подобных отвратительных происшествий. Но времена сейчас странные, и он слышал зловещие слухи о том, что силы старых богов убывают, а сила Хаоса увеличивается. Феликс пытался убедить себя, что, возможно, такие вещи и случаются в далёких землях, вроде Кислева, которые граничат с Пустошами Хаоса, но это Нульн — сердце Империи, ядро человеческой цивилизации. Но что-то в нём шептало, что и здесь присутствует Хаос, что все государства людей прогнили до сердцевины.

Желая приободрить себя, он поглядел на Готрека. Истребитель выглядел бесстрашным. Выражение твёрдой решимости было запечатлено на его лице. Его топор был готов нанести удар, и он неподвижно стоял с поднятой головой, принимаясь и вслушиваясь в ночную тьму.

— Сегодня много странных запахов, — произнёс гном. — Много непонятных звуков. Для кладбища слишком уж активное место.

— Что ты имеешь в виду?

— Вещи передвигаются. В воздухе ощущается что-то нехорошее. По кустам множество крыс. Ты был прав насчёт этого места, человеческий отпрыск.

— Чудесно, — сказал Феликс, удивляясь тому, что прав он обычно тогда, когда ему меньше всего этого хочется.

— Давай двигаться. Нам нужно найти место, где находятся свежие захоронения. Это там

проводятся похоронные церемонии. И как раз оттуда, как я полагаю, распространяется чума.

Они двинулись по проходу между могилами, и до Феликса медленно начало доходить, что Сады Морра в действительности некрополис – город мёртвых. Тут были свои кварталы и свои дворцы, совсем как в окружающем городе. Здесь были бедные кварталы, где бедняков хоронили в безымянных общих могилах. Здесь были аккуратно ухоженные обелиски, под которыми были погребены преуспевающие представители среднего класса. Они состязались между собой вычурностью своих надгробий, подобно тому, как завистливые соседи стараются перещеголять друг друга при жизни. Крылатые святые, вооружённые каменными мечами, возносили вверх книги с начертанными именами и должностями покойников. Каменные драконы склонялись над последними пристанищами купцов подобно собакам, стерегущим кости. С покрытыми капюшонами головами, с косами в руках, статуи Морра стояли стражами на постаментах из чёрного мрамора. Вдалеке Феликс мог видеть огромные мраморные мавзолеи богатых аристократов. И в смерти они также, как при жизни, располагались во дворцах.

Тут и там были насажены вьющиеся кусты чёрных роз. Их приторно-сладкий аромат раздражал ноздри Феликса. Иногда там были записки или подношения, или другие поминальные дары от живых умершим. Преобладающее чувство скорби начало смешиваться со страхом, который ранее испытывал Феликс. Подобные вещи были своего рода показателями бренности человеческой жизни. Не имело значения, насколько богаты и успешны были те люди, что упокоились в этих могилах. Теперь они мертвы. То же однажды произойдёт и с Феликсом. Некоторым образом, он понимал стремление Истребителя оставить по себе память.

Феликс подумал, что жизнь подобна надписи на песке, с которого ветер сдувает песчинки.

Они выбрали место возле выкопанных могил и спрятались за какими-то поваленными надгробиями. В нос Феликсу ударил запах свежераскопанной земли. Холод тумана пронимал его сквозь одежду. Он чувствовал влагу на штанах в тех местах, где они касались покрытых росой растений. Он поплотнее запахнул плащ от холода, и они приготовились ждать.

Феликс поглядел на небо. Луна уже прошла более половины своего пути, и пока ничего не происходило. Пока что всё, что он слышал – это шорохи обычных крыс. Всё, что они видели — мерзких грызунов с безумными глазками. Не было никаких следов скавенов.

«Возможно, я ошибся», — подумал Феликс со смесью разочарования и облегчения. Возможно, лучше всего было бы пойти домой. Сейчас самое время уходить. Улицы должны быть пустынные. Большинство честных граждан спокойно спит. Краем своего плаща он вытер нос.

Из носа текло, и он знал, что эта ночь, проведённая на улице, не облегчит его насморк. Он разминал ноги, пытаясь снять с них онемение, когда почувствовал на плече руку Готрека.

— Тихо, — прошептал Готрек. — Что-то приближается.

Феликс замер и уставился в темноту, желая обладать таким же чутким слухом и зрением в темноте, как у гнома. Он слышал, как его сердце громко стучит в груди. Его мышцы, находящиеся в неудобном положении, начали ныть от напряжения, но он всё же оставался неподвижным и едва дышал. Что бы к ним ни приближалось, он надеялся, что оно не обнаружит его раньше, чем он его увидит.

Внезапно он почувствовал в воздухе запах омерзительной и тошнотворной воню. Воняло гниющей плотью и гноящимися язвами, как если бы тело больного в хосписе{22} оставалось невымытым неделями или годами. «Если болезнь имеет свой запах, то он должен быть подобен этому», — подумал Феликс. Он сразу же понял, что его подозрения были верны. Чтобы

подавить тошноту, он держал ладанку подле носа и молился, чтобы наложенные на неё заклинания сделали его невосприимчивым ко всему, что бы ни приближалось.

В поле зрения появилась отвратительная прихрамывающая фигура. То было подобие скавена, но оно не было похоже ни на одного из крысолюдей, ранее виденных Феликсом. Тут и там на его грязной шкуре вздувались огромные нарывы, и что-то отвратительное капало с его влажной кожи. Большая часть его тела была обернута испачканными повязками, покрытыми гноем и грязью. Он был истощён, и глаза его светились безумным, лихорадочным блеском. Скавен двигался словно пьяный, раскачиваясь, как если бы от болезненных судорог у него нарушалось чувство баланса. И ещё, иногда он передвигался неожиданно быстрыми рывками, словно энергия побуждала больного собрать остаток своих сил для какой-то ужасной цели.

Передвигаясь, он омерзительно хихикал и разговаривал сам с собой на непонятном языке. Наблюдая за ним, Феликс заметил, что одной дрожащей рукой тот держит клетку, а в клетке — мятущихся крыс. Он остановился на мгновение, подпрыгнув на одной жилистой конечности. Затем отворил клетку и вытащил крысу. Остальные вырвались через открытую дверцу и попадали в могилы на грунт. Упав, они выделили мочу и вонючие экскременты. Когда те коснулись земли, на короткое мгновение возникла отвратительная непереносимая вонь, от которой Феликса едва не вырвало, а затем та медленно начала спадать. Крысы выкарабкались из могил и вяло потащились в укрытие. Феликс мог наблюдать, что на пути следования они оставляют следы ядовитой слизи, и было очевидно, что они умирают. «Что за мерзость тут происходит?» — недоумевал Феликс.

Скавен проскочил мимо. Феликс был удивлён и поражён тем, что Истребитель немедленно его не сразил, но вместо этого указал Феликсу следовать за ним и отправился по следу скавена. Несколько мгновений хватило Феликсу понять план Готрека. Они проследят за чумным монахом из клана Чумы — а Феликс догадывался, что это именно он, — до его логова. Они найдут путь в самое сердце порчи в Садах Морра.

Пока они следовали за подсакивающим чумным монахом через погружённое в туман кладбище, Феликс обнаружил присутствие других скавенов. Судя по переносимым ими пустым клеткам, все они занимались тем же недобрым делом и теперь возвращались в своё логово. Некоторые прихрамывали под тяжестью переносимых разлагающихся трупов, недавно раскопанных, судя по земле, которая всё ещё налипала на их похоронные одеяния.

Феликсу и Истребителю приходилось передвигаться с осторожностью, прятаться за надгробиями, искать убежища в тени под деревьями, перемещаясь от укрытия к укрытию. Феликсу почему-то подумалось, что это не обязательно. Чумные монахи не были столь же настороженными, как нормальные скавены. Они выглядели абсолютно безумными и часто не обращали внимания на то, что их окружает. Возможно, их мозги так же сгнили от переносимых болезней, как и их тела.

Иногда скавены останавливались и минутами царапали себя до кровотечения, либо прорыва гнойных струпуев, и затем пробовали оставшийся на когтях гной. Иногда они застывали, бесцельно уставившись в пространство. Временами зловонные экскременты вываливались из-под их хвостов, и они падали наземь и корчились в них, безумно хихикая. У Феликса мурашки пошли по телу. Даже по стандартам скавенов эти создания были безумны.

В конце концов они добрались до обширного мавзолея в глубине сектора Садов для аристократов. Они проходили по мощёным дорожкам среди ухоженных садилов. Тут и там проявлялись неясные очертания статуй над солнечными часами, бесполезными в это время суток. Становилось заметно всё больше и больше чумных монахов, и Феликс с Истребителем

снова спрятались под арочными входами в гробницу какого-то дворянского семейства. Лишь когда скавены прошли мимо, они снова присоединились к кошмарной процессии, продвигаясь дальше в глубины старой части кладбища, где располагались крупнейшие и по большей части полуразрушенные гробницы.

Они остановились на углу, и Феликс отметил, что скавены пропадают во входном проёме крупнейшего и наиболее древнего из мавзолеев. Здание было выстроено почти подобно храму в старотилейском стиле, с поддерживающими свод зала прихожей колоннами и установленными в нишах между ними статуями тех, кто, по предположению Феликса, являлись представителями семейства строителя. Лишь только исчез последний скавен, Феликс и Готрек двинулись по ступенькам, ведущим к входу.

В свете луны Феликс мог наблюдать, что мавзолеей находится в весьма изношенном состоянии. Каменная кладка обвалилась, декоративные элементы стен изъедены вековым воздействием ветра и дождя, на месте осыпавшихся лиц статуй — лишайник. Это выглядело так, словно сам камень страдает от какой-то ужасной болезни. Сад вокруг здания был диким и запущенным. Феликс не был уверен, но почти не сомневался в том, что построивший это место род вымер. Место выглядело неухоженным, как если бы годами никто здесь не бывал. Со временем это место станет довольно непривлекательным. И этой ночью Феликс не испытывал большого влечения заглянуть внутрь.

Однако Готрек передвигался по ступенькам настолько быстро, насколько позволяли его короткие ноги. Руны на его топоре светились в лунном свете. Он оскалился, предвкушая напасть на скавенов в их собственном логове. Некоторое время Феликс был ошарашен тем, что гном в своём роде столь же безумен, как и эти скавены. Вероятнее всего, лучшее, что может сделать Феликс — по-быстрому удалиться и предоставить всех их собственной судьбе. Подходя к дверному проёму, Феликс старался подавить это сильное желание. Он был удивлён, что тут не было входа внутрь, лишь голая каменная стена. Готрек встал перед ней, поразмыслил минуту, поскрёб пальцем свою татуированную голову, а затем потянулся и дотронулся до одного из каменных лиц на арке. Как только он это сделал, стена перед ними медленно и неслышно повернулась, открывая вход.

— Дешёвая подделка, — пробормотал Готрек. — Работу гномов было бы не столь легко обнаружить.

— Конечно, конечно, — озабоченно пробурчал Феликс и затем последовал за Готреком в гробницу через открытый вход.

Дверь за ними, тихо проскользив, закрылась.

Зловоние внутри было ужасным. Стены были основательно покрыты грязью. Феликс чувствовал, как она хлюпает под его руками, когда нащупывал себе дорогу сквозь темноту. Воспоминания о производимых чумными монахами непристойных выходках, которые ему довелось наблюдать, вызывали у него рвотные позывы. Но несмотря на это, он заставил себя следовать за слабым мерцанием рун на топоре Истребителя, который шёл впереди.

Готрек двигался быстро и уверенно, как будто даже отсутствие света не затрудняло ему видимость. Феликс подозревал, что причина в этом, и Истребитель видит столь хорошо во мраке, как и при свете дня. Ему ранее уже доводилось следовать за гномом через тёмные участки, и Феликс был уверен, что Истребитель знает, что делает. И как обычно, он хотел бы зажечь имевшийся при нём светильник.

Откуда-то издалека до него донёлся слабый скребущий звук, и Феликс передумал. Возможно, при сложившихся обстоятельствах зажечь светильник – не такая уж хорошая идея. Это непременно предупредит скавенов об их присутствии, а Феликс был совершенно уверен, что их единственный шанс выжить перед превосходящим числом скавенов — это стремительно атаковать, воспользовавшись преимуществом внезапности. Он молился о том, чтобы у него была возможность зажечь лампу перед вступлением в бой.

Феликс чуть было не опрокинулся, когда перенёс вес на перемещаемую ногу, а под ней не оказалось опоры. Восстановив равновесие, он обнаружил, что перед ним ведущая вниз лестница. Мавзолей был действительно огромен.

«Кто бы ни построил это место, это обошлось ему в кучу денег, — подумал Феликс. — А почему бы нет? Они ведь собирались провести тут вечность, такова была их идея».

Теперь он мог слышать впереди шумное чириканье. Звучало так, как если бы скавены занимались каким-то непристойным ритуалом. Слабое свечение зеленоватого болезненного света освещало лежащий впереди коридор. Похоже, что они в шаге от того, чтобы столкнуться со скавенами в их логове.

* * *

Вилеброт Нуль захихикал, когда один из его поражённых проказой пальцев отломился и упал в булькающий котел. Это было хорошим предзнаменованием. Его собственная, изъеденная чумой плоть поможет насытить духа, скрывающегося там, и усилит варево, которое вскоре принесёт смерть его врагам. Котёл Тысячи Болезней одновременно и священная реликвия, и оружие клана Чумы, и он планировал, что оба эти предназначения будут исполнены вместе.

Из своей сумки он достал полную пригоршню порошка искривляющего камня и бросил её в огромный чан. Его оставшиеся пальцы покалывало от прикосновения к искривляющему камню, и он облизал их начисто, ощущая как покалывание переходит на его язык. Нуль облизал свои дёсны, чтобы некоторое количество порошка попало на находящиеся там гнойники и язвы; возможно, это сделает их содержимое ещё более заразным.

Нуль отхаркнул в рот огромный сгусток слизи и затем сплюнул его в густое варево микстуры для лучшего эффекта, всё это время перемешивая огромным ковшом, вырезанным из бедренной кости дракона. Он ощущал болезнетворную силу поднимающуюся от котла, как обычный скавен мог бы чувствовать жар огня. И это походило на то, как если бы он находился перед мощнейшим токсичным пожаром.

Аббат глубоко вдохнул, втянув в лёгкие крепкие испарения от варева, и немедленно тяжело закашлялся. Он практически мог ощутить, как его лёгкие забиваются жидкостью под воздействием заражения. «Это всего лишь вознаграждение, — думал он. — Планы реализуются, как должно. Испытания почти закончены».

Новая чума была настолько смертоносной, как он надеялся, но наиболее важным являлось то, что это его личная заслуга. Он воспользовался старой рецептурой, но самостоятельно добавил новый секретный ингредиент. После этого, навсегда среди правоверных клана Чумы она будет известна, как „Чума Нуля“. Его имя будет вписано в великую книгу „Либер Бубоникус“. Его долго будут помнить, как создателя нового заболевания, того самого, что истребляет создания, не обладающие мехом, как безжалостный хищник свои жертвы.

<http://tl.rulate.ru/book/2491/47018>